

АННА КЕНИГ

ЯДОМА

Том 2

18+

Анна Кениг
Я дома. Том 2.

«Автор»

2026

Кениг А. А.

Я дома. Том 2. / А. А. Кениг — «Автор», 2026

Анни вернулась домой. Но нужен ли ей теперь такой дом? Сама Смерть ставит её перед выбором: остаться в мире, где у неё нет будущего, или заплатить невероятную цену, чтобы вернуться в Аметистарию. Впереди враги, которых она ещё не знает. Магия, которая отказывается подчиняться, и любовь, ради которой стоит рискнуть всем. Фэнтези о возвращении, о силе и о том, что дом — там, где тебя ждут. Вторая книга цикла.

© Кениг А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анна Кениг

Я дома. Том 2.

Глава 1

Дом. Что такое дом на самом деле?

Может быть, дом — это первый вдох после долгого пути, когда ты наконец садишься в своё кресло и чувствуешь спиной, что оно помнит тебя?

Или, когда на кухне пахнет едой и пирогами. Не потому, что праздник. А просто потому, что бабушка приехала?

Или это звуки? Соседи сверху, которые вечно двигают мебель. Ключ, поворачивающийся в замке и следом голодное «мяу»?

Дом начинается с порога. Но заканчивается он где-то глубоко внутри нас.

Можно объехать полмира, сменить двадцать адресов. Можно построить идеальный дом с белыми стенами и дорогой мебелью. И всё равно просыпаться с ощущением, что ты в гостях. А можно жить в съёмной квартире с обоями в цветочек, которые выбрал не ты, и вдруг осознать, что здесь тебе спится спокойнее всего. Здесь твой человек рядом.

И ты ловишь себя на мысли: это оно. Это и есть дом. Не там, где правильно. Не там, где красиво. А там, где не надо объяснять. Где можно молчать и это не напрягает. Где можно плакать и не стыдно. Где можно злиться и тебя не бросают.

Дом. Каждый вкладывает в это слово свой смысл. Но в конце концов, все мы ищем дорогу домой. Иногда мы уходим далеко и забредаем в тупики. Иногда нам кажется, что мы никогда не вернёмся.

Но дорога всё равно есть. Она ждёт. Она дышит. Она ведёт.

Просто иногда нужно остановиться, закрыть глаза и спросить себя: а где я хочу оказаться прямо сейчас? Не должен, не обязан, не по привычке. А хочу.

И если ответ есть, вы уже наполовину дома. Осталось только сделать шаг.

Ведь иногда, чтобы обрести дом, нужно потерять целый мир. Или обрести его заново.

Я стою, словно пригвождённая к полу, и не могу вымолвить ни слова. Глаза отказываются верить, но это он. Не призрак, не галлюцинация. Реальный. Здесь. В моей квартире. В этом мире, где нет места магии.

— Это...точно ты? — выдавливаю я. — Ты пришёл за мной?

И тут же мысленно смеюсь над собой. Смешно. Спрашивать у самой Смерти, пришла ли она за тобой. Как будто у неё есть другие дела. Как будто она просто зашла на чай. Он смотрит на меня и в его глазах бездонная глубина, которую я так хорошо помню. Ни тени насмешки, только спокойная уверенность.

— Это я, — говорит он просто.

И что-то во мне ломается. Без слов, без раздумий я делаю шаг вперёд и обнимаю его. Крепко, до боли в пальцах, до судорожного вдоха. Ощущаю тепло его тела, запах не человеческий, а какой-то иной, как ветер перед грозой. Но уже через секунду отшатываюсь. Что я делаю? Обнимаю Смерть. Словно это нормально. Как будто я не сошла с ума.

Танат не говорит ни слова, проходит на кухню, ставит на стол бутылку с почерневшей этикеткой. Я следую за ним, вцепившись взглядом в его спину. Хочу спросить, как? Почему? Зачем? Но слова застревают в горле. Вместо этого шепчу:

— Ты...ты можешь вернуть меня? Туда?

Он поворачивается, и в его взгляде, что-то, что я не могу прочесть. Не жалость, не сочувствие. Что-то древнее, как сама вселенная и от этого мне становится не по себе. Он медлит с ответом. Секунды тянутся, как резиновые.

— Не могу вернуть, — наконец произносит он. — Но могу помочь тебе вернуться.

Я резко вскидываю голову. Злость вспыхивает мгновенно, как сухая трава от искры.

— Конечно! — выдыхаю я, закатывая глаза. Делаю шаг назад, наткнувшись спиной на дверной косяк. — Конечно, ты же только направляешь. Как я могла забыть эту твою... философию!

Внутри всё кипит. Опять загадки. Опять полунамёки. Почему нельзя просто сказать правду, чёрт возьми?! Пауза. Тяжёлая, как свинцовая гиря. Я сжимаю кулаки, пытаюсь унять дрожь в пальцах. А потом вдруг осознаю: кто он вообще?

— Слушай... — мой голос дрожит, но я заставляю себя продолжить. — А я точно не схожу с ума? Ты действительно тот, о ком я думаю? Или я просто впустила в свой дом какого-нибудь маньяка? Может, ты вообще не он?

В глазах зашипало от внезапных слёз. Как унижительно. Стою, дрожа, и пытаюсь понять, где реальность, а где бред моего измученного мозга.

Танат не двигается. Только взгляд спокойный и пронзительный, будто скальпель, не отрывается от моего лица.

— Если бы ты ходила с ума, — говорит он тихо, — ты не задавала бы этих вопросов. Безумие не сомневается. Оно принимает всё как должное.

Его слова бьют точно в цель. Да. Безумие не спрашивает. Оно просто живёт в своей реальности.

Танат садится за стол, небрежно проводит рукой по столешнице, словно приглашает.

— Садись, — его голос звучит ровно, без нажима, но в нём слышится не просьба, а скорее неизбежность.

Я медлю всего мгновение, потом опускаюсь на стул напротив. И в этот момент... Из шкафа с посудой с лёгким звоном вылетает бокал. За ним пробка из бутылки. Сама бутылка плавно приподнимается в воздухе, наклоняется, и густая, мерцающая жидкость льётся в бокал, наполняя его ровно до половины. Ни капли мимо. Я замираю, широко раскрыв глаза. Это реально?

— Как?.. Здесь... — мой голос срывается на шёпот.

Я перевожу взгляд с бокала на Таната, снова на бокал. Протягиваю руку и касаюсь прохладного стекла пальцами, проверяя, не мираж ли это. Он чуть приподнимает бровь, словно удивляясь моей наивности.

— Я смерть. Мне многое подвластно.

Его слова не хвастовство. В них простая констатация факта. И от этого становится ещё страшнее. И ещё реальнее. Я протягиваю руку, беру бокал. Жидкость внутри переливается, как жидкий аметист, пахнет ветром, лесом и чем-то неуловимо родным.

— Это Шарут? — шепчу я, уже зная ответ.

Танат кивает. Я делаю глоток. И мир на секунду останавливается. Останавливается сердце, замирает дыхание, исчезают звуки города за окном. Вкус взрывается на языке, не такой насыщенный, как в воспоминаниях, немного другой, приглушённый, будто эхо былого величия. Но это он. Тот самый напиток из Агатгарда. Тот, что мы пили, глядя на звёзды, что согревал изнутри в холодные ночи. Я невольно стону, закрывая глаза. Воспоминания накатывают волной: смех Аби, шутки Луциена, тепло руки Блейкарда... Когда я открываю глаза, в них стоят слёзы. Но я не плачу. Просто смотрю на Таната сквозь эту пелену.

— Если это всё не галлюцинации не сон... — мой голос звучит твёрдо. — Тогда верни меня в Агатгард. Ты же можешь!

Он не спешит с ответом. Его взгляд проникает вглубь, будто сканирует каждую мысль, каждое сомнение.

— Могу помочь тебе вернуться, — наконец повторяет он. — Но не вернуть. Ты сама должна сделать шаг.

Я вскакиваю со стула, почти не осознавая, что кричу:

— Опять твои загадки! Ты можешь сказать нормально?! Один раз ты меня уже перенёс туда! Так перенеси сейчас!

Слова вырываются сами, горячие, злые, отчаянные. Внутри всё горит от бессилия. Почему он просто не сделает это? Почему играет со мной в эти игры?

Танат даже не вздрагивает. Сидит неподвижно, как изваяние. Потом медленно качает головой, и в его глазах вечность, которую не понять человеческому разуму.

— Не могу, — говорит он и каждое слово бьёт, как молот. — В первый раз из-за наступающего пророчества грани были приоткрыты. Но, разрушив проходы, ты стёрла все двери между мирами.

Слова врезаются в сознание, словно осколки льда. Стёрла все двери. Я сжимаю край стола, чтобы не упасть. В голове хаос. Я действительно это сделала. Я закрыла путь.

— И зачем... — голос срывается. Я пытаюсь взять себя в руки, но злость и отчаяние смешиваются в один ядовитый коктейль. — Зачем ты тогда сюда пришёл? Раз не можешь вернуть меня домой!

Последние слова произношу почти шёпотом. Вся ярость вдруг уходит, оставляя лишь пустоту. Я опускаюсь на стул, чувствую, как дрожат пальцы. Смерть пришла не спасти. А сказать правду.

Танат медленно поднимается, подходит к окну. Его силуэт чернеет на фоне городских огней.

— Я пришёл помочь тебе вернуться, — произносит он спокойно, но жестко. — Но я не могу сделать это за тебя. Не могу рассказать, только направить, подтолкнуть. Ты должна сама вспомнить и прийти к определённым выводам. Вспомни разговор с Лианеллой. Что она сказала тебе в конце?

— Ты... и этот разговор знаешь? — шепчу я, чувствуя, как внутренности сжимаются.

Если он знает это, значит, он видел всё. Танат не отвечает. Просто смотрит. И этого достаточно. Вдруг меня пронзает ледяной иглой под ребра другая мысль. Я резко выпрямляюсь, кровь отливает от лица.

— Блейкард... — мой голос звучит глухо и надломлено. — Он жив? Кларис..? Что с ними? С остальными? Что было после закрытия проходов?

Вопросы сыплются один за другим, словно камни из разрушенной стены. Я почти боюсь услышать ответ. Почти.

Танат опускает взгляд, и этого мимолётного движения хватает, чтобы моё сердце остановилось, а потом забило, где-то в горле.

— Они живы, — говорит он, после долгой паузы. — Все живы. Но

— Но что? — я почти кричу, не в силах вынести эту тишину. — Говори!

— Ты должна вернуться как можно скорее. Если ты не вернешься, Кларис умрет окончательно. Она на грани, между жизнью и смертью.

Я каменею. Воздух застревает в лёгких.

— Так стрела не убила её? — шепчу я, не веря. — Она... жива?

— Стрела Морны была отравлена магией, — Танат качает головой. — Она не убила Кларис сразу. Держит на пороге. Но время на исходе. Только ты можешь её спасти.

— Я? — переспрашиваю я, чувствуя, как подкашиваются ноги. — Но как? Я же не целитель, я...

— Твоя сила, — перебивает он. — Та, что проснулась в тебе. Только ты можешь вытянуть Кларис с той стороны.

— Сколько у меня времени?

— Мало. Недели. Может, месяц. Время здесь и там течёт по-разному, но процесс необратим.

Я резко встаю. Ноги дрожат, но внутри разгорается огонь. Не паники, не отчаяния, а чистой решимости, направленной на одно: вернуться.

— Тогда я должна вернуться. Сейчас. Скажи, что мне делать.

— Вспомни конец разговора с матерью. Но тебе нужно не просто вспомнить. Тебе будет нужно вернуть то, что не принадлежит этому миру.

— Ты говоришь загадками, — я поднимаю взгляд. — Скажи прямо! Что я должна вернуть?

Танат молчит. Я лихорадочно прокручивая в голове обрывки разговора с Лианеллой. Камни. Она говорила о камнях. О потерянных камнях королевств Аметистарии.

— Это... камни? — шепчу я. — Я должна вернуть камни?

Он не отвечает. Просто смотрит, и в его глазах ни подтверждения, ни отрицания. Бесконечная, тягучая вечность. Как всегда. Потом медленно кивает.

— Камень. В этом мире один камень. Он разрушает, — его голос звучит как далёкий звон колоколов.

— Это из-за него происходят землетрясения? — голос вздрагивает, но я заставляю себя смотреть ему в глаза.

— Да. И не только. Он разъедает грани реальности.

— И ты, конечно, не скажешь мне, где его искать? — я почти смеюсь от бессильной ярости.

Танат вздыхает. На секунду его глаза полностью чернеют, как беззвёздная ночь.

— Скажу, где искать. А дальше...

— ...каждый шаг, моё решение, — перебиваю я, закатывая глаза. — Знаю, знаю. Не продолжай.

Он едва заметно улыбается. Впервые, почти по-человечески.

— Ты научилась понимать правила.

— Я научилась понимать, что ты никогда не дашь готовый ответ, — бросаю я. — Ладно. Где он?

Танат склоняет голову, и в полумраке его глаза мерцают неземным светом.

— Камень, гранат, — произносит он медленно, словно высекает слова из камня. — Он появился в этом мире в тот миг, когда твоя душа впервые родилась здесь. Ты притянула его неосознанно, как притяжение между двумя мирами.

Я усмехаюсь, но в этом смехе нет веселья, только горькая ирония.

— То есть я, сама того не зная, затащила в этот мир магический артефакт, способный его разрушить? Великолепно. Просто великолепно.

Танат не реагирует на сарказм. Его взгляд остаётся холодным и пристальным.

— Гранат всегда находился в музеях, один из редчайших и дорогих в мире. Но несколько недель назад его украли. Сейчас его готовят к продаже на закрытом аукционе. Мероприятие устроят люди, чьи имена не произносят вслух. Те, кто привык покупать то, что другим недоступно.

Я провожу рукой по шее, пытаюсь осмыслить услышанное:

— И что ты предлагаешь? Украсть его? Купить? У меня, знаешь ли, не завалялись лишние миллионы в кармане. Да и как я вообще попаду на этот аукцион?

Танат медленно протягивает руку. Между его пальцев тонкая прямоугольная карточка, переливающаяся в тусклом свете. Он кладёт её на стол лицевой стороной вниз, словно подчёркивая: это не просто пропуск, это маска, которую мне предстоит надеть.

— Я помогу тебе попасть на него, — его голос звучит ровно, без эмоций. — Но ты войдёшь туда не как Анна.

Я осторожно беру карточку, переворачиваю. На гладкой поверхности чужое имя, выгравированное тонкими золотыми буквами: Элиана Вейс. Танат делает паузу, и в его глазах мелькает едва уловимая искра, то ли насмешка, то ли предостережение.

— О, прости, — произносит он с лёгкой полуулыбкой. — Это не пропуск на сам аукцион. Это доступ в клуб. К человеку, который его устраивает.

Я резко вскидываю голову.

— Что?! — мой голос срывается на возглас. — То есть ты даёшь мне билет в клуб? А дальше что?

— А дальше, — он чуть наклоняет голову, — ты должна сама уговорить его. Попасть на аукцион, твоя задача.

В груди всё закипает. Серьёзно? После всех этих туманных пророчеств, смертельных угроз и «ты избранная», я получаю приглашение в ночной клуб?!

— То есть, — я делаю шаг вперёд, сжимая в пальцах карточку так, что она жалобно хрустит, — ты хочешь, чтобы я очаровала какого-то криминального воротилу?

— Да. Иного пути у тебя нет, — говорит Танат, без тени сомнения. — Не заполучив камень, шансов вернуться у тебя не будет. Попади на аукцион. Возьми камень.

В тот же миг на столе возникает новая карточка, с выгравированным адресом клуба, окружённым узором, напоминающим переплетённые змеиные тела. Рядом с ней небольшая вытянутая коробочка для украшений, покрытая тонким слоем серебристой пыли, будто только что из другого мира. Я медленно протягиваю руку, пальцы не слушаются. Крышка поддаётся с тихим щелчком. Внутри серебряный браслет. Тонкий, изящный, с круглым маленьким камнем в центре, мерцающим мягким, почти живым светом. Моё сердце замирает, а потом проваливается в пятки. Это он. Подарок Блейкарда. Тот самый браслет, который он вручил мне в день рождения, перед самым началом кошмара. Тот, что я прятала в кулаке в темнице Морны, когда тьма пыталась поглотить мой разум. Я думала, я потеряла его. Под браслетом обгоревшая записка. Край её обуглен, текст обрывается, но я узнаю почерк. Его твёрдый, резкий почерк.

Танат делает шаг вперёд, его голос звучит тихо, почти шёпот:

— Ты сделаешь это. Конечно, если ты хочешь вернуться.

Я поднимаю записку, всматриваюсь в уцелевшие буквы. Язык незнаком, но смысл проникает в сознание без перевода. Мы начинаем говорить одновременно, я и Танат, словно читаем одну мысль:

— Здесь написано «Я жду тебя там. Блейкард».

Мои пальцы сжимают браслет. Металл тёплый, как живое сердце. Слезы наворачиваются на глаза, обжигают ресницы, но я не позволяю им упасть. Сглатываю горький ком.

— Я узнала её, — шепчу я, прижимая браслет к груди. — Это его рука. Его слова.

Танат кивает, делает шаг ближе, и в полумраке комнаты его силуэт кажется почти нереальным, будто сотканным из теней.

— Он верит в тебя. И ты должна верить в себя.

Я закрываю коробку, но браслет оставляю в руке. Его свет пульсирует, проникая сквозь кожу, наполняя меня силой, которую я давно не чувствовала. Тёплой, живой, пробуждающей что-то давно забытое. Он ждёт. Блейкард ждёт. Кларис борется. Мир рушится и этот ритм, этот нарастающий гул судьбы отдаётся в каждом ударе сердца.

— А если не получится? — шепчу я, и голос звучит жалко, беспомощно, словно чужой. — Если я не справлюсь?

— Тогда ты останешься здесь. И однажды утром проснёшься, и поймёшь: ты больше не помнишь ни имён, ни лиц, ни того, что когда-то называла домом. А этот мир разрушится под давлением силы камня. И Аметистария падет.

На меня, словно вылили ледяной душ. Я резко вдыхаю, чувствуя, как внутри что-то просыпается. Не надежда, ещё нет. Но близкое к ней: упрямое, цепкое, готовое бороться. Оно разрастается, заполняя пустоту, которую я так долго носила в себе.

«Опять. Опять от меня зависят многие жизни. От того, справлюсь я или нет. Ну что за невезение» — мысль пронзает меня, но я тут же отталкиваю её. Нельзя сейчас поддаваться сомнениям.

— Я не сдамся, — говорю, сжимая браслет в ладони. — Я сделаю это. Я попаду на аукцион. Я заберу камень. И я вернусь.

Танат медленно подходит к окну. За стеклом чернильная тьма ночного города, редкие огни напоминают рассыпанные звёзды. Он поворачивается ко мне. На губах едва заметная улыбка, почти неуловимая, словно тень воспоминания.

— Маленькая подсказка, — шепчет Танат, и его голос растворяется в тишине комнаты. — Человека, устраивающего аукцион, зовут Владимир. Он ценит ярких женщин. Тех, кто не стесняется показать себя. Особенно тех, кто умеет красиво курить. Выгляди соответственно.

Я скидываю брови, внутри закипает волна сарказма. В голове мгновенно проносятся образы: я в роскошном платье, с изящной сигаретой в пальцах, играю роль, которую даже представить себе не могу.

— Ты хочешь, чтобы я... — делаю паузу, пытаюсь подобрать слова, — притворилась гламурной курильщицей? А может, мне ещё станцевать на столе или спеть серенаду?

Танат не отвечает. Его фигура начинает расплываться, растворяясь в воздухе, словно дым, уносимый невидимым ветром. Я протягиваю руку, пытаюсь ухватить его, но пальцы лишь скользят по пустоте.

— Конечно, — упираю руки в бока, чувствуя, как раздражение смешивается с беспомощностью. — Опять недомолвки. И как всегда, никакой конкретики.

Он исчезает полностью, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и едва уловимый шёпот:

— Удачи, Элиана.

Я стою несколько секунд, глядя на пустое место у окна.

— Вот же, — бормочу я, проводя рукой по лицу. — Ладно. Значит, яркая и не стесняющаяся.

Подхожу к столу, движения будто замедлены тяжёлой невидимой силой. Бокал мерцает в полумраке. Делаю глоток, вкус знакомый. Но сейчас он кажется горьким, пронзительно горьким, как и вся эта безумная ситуация. Прокатываю жидкость на языке, пытаюсь уловить прежние ноты, но они безвозвратно потеряны. Ставлю бокал на стол, беру в руки карточку с адресом клуба.

«Это правда. Аметистария существует. Всё это не бред, не игра моего воображения. Я не схожу с ума», — повторяю про себя, словно заклинание. Взгляд снова возвращается к браслету, и на мгновение мне кажется, что я слышу тихий шёпот, не словами, а ощущениями.

Но тут же накатывают холодные, колючие сомнения. А если я не справлюсь? Если всё пойдёт не так? Если этот камень, просто красивая иллюзия, а я ведусь на обман? Мысль пронзает, заставляя сжать пальцы в кулаки. Глубоко вдыхаю, пытаюсь унять внутреннюю бурю. Нет. Нельзя сомневаться. Не сейчас. Опускаю взгляд на браслет. Камень тихо пульсирует, напоминая: это не просто украшение. Это связь. Это обещание. Блейкард ждёт. Кларис держится за ниточку, которая вот-вот оборвётся. И если я сейчас отступлю, если скажу «это слишком сложно», всё рухнет.

Пытаюсь собрать мысли в кучу. Владимир.

Имя звучит грубо, весомо. В нём слышится власть, привычка к подчинению, непреклонность. И я должна очаровать его? Убедить? Обмануть? Мысль кажется абсурдной, почти смеш-

ной. Как будто я собираюсь сыграть роль в театре, где правила неизвестны, а ставки выше, чем жизнь.

Одно имя, а уже столько образов в голове: человек в дорогом костюме, с холодным взглядом. И я должна не просто попасть к нему на глаза, я должна заставить его захотеть пустить меня на аукцион.

Красиво курить. Я не ослышалась? И это его критерий? Я почти смеюсь вслух, но смех застревает в горле. В этом мире всё сводится к показухе, к игре. К тому, как ты выглядишь, как двигаешься, как держишь сигарету между пальцами. Но как? Как превратиться в ту, кого он захочет увидеть? В ту, кто играет по его правилам, но при этом остаётся собой? Я не актриса. Я воин. Я привыкла к прямому бою, к стали и магии, а не к этим танцам вокруг да около.

Я подхожу к зеркалу. Смотрю на своё отражение и не узнаю её. Элиана Вейс. Кто она? Что она носит? Как говорит? Как смеётся? Я должна стать ею. Хотя бы на одну ночь. Хотя бы для того, чтобы забрать камень и вернуться домой. Дом. Это слово отдаётся в груди острой болью. Агатгард мой дом. Не эта квартира, не этот город, не этот мир. Там горы, там лес, там близкие, которые ждут. Там Блейкард. Закрываю глаза, пытаюсь вспомнить его лицо. Его улыбку, голос, когда он говорил: «Ты справишься. Ты всегда справляешься».

— Я справлюсь, — шепчу я, крепче сжимая браслет. — Даже если придётся курить, танцевать и говорить на языке, которого я не понимаю. Даже если придётся стать кем-то другим.

Открываю глаза. В зеркале, та же я. Но теперь в моём взгляде есть что-то новое. Что-то жёсткое, решительное. Я не Анна и не Элиана Вейс. Я Анника. И я вернусь домой. Подхожу к столу, беру бокал с Шарутом. Делаю последний глоток.

— Ладно, Владимир, — говорю я вслух, ставя бокал на стол. — Давай поиграем.

Я достаю телефон. Открываю приложение авиаперевозок. Ближайшие рейсы. Экран мигает, выдаёт варианты. Москва. Через 4 часа. Идеально. Не слишком рано, чтобы маяться от нетерпения, не слишком поздно, чтобы упустить шанс. Нажимаю «Купить. Оплата проходит мгновенно. На экране появляется электронный билет. Всё. Путь начат.

Стою перед пустым чемоданом, перебирая вещи. У меня нет подходящей одежды. Та, что висит в шкафу, либо слишком будничная, либо кричит брендами, а в нужных кругах это не принято. Что нужно? Не просто дорогая одежда, а одежда, которая говорит без слов. Ткань должна быть безупречной, крой идеальным, детали едва уловимыми, но ощутимыми. Такая, где цена читается в посадке, в качестве швов, в том, как материал ложится на тело. Нужно Платье. Но не вечернее, не для бала. Что-то между: достаточно смелое, чтобы запомниться, но не настолько откровенное, чтобы выглядеть дёшево. Оружие, а не украшение. Решаю: куплю его в Москве. В одном из тех магазинов, где нет вывесок, где продавцы знают, кто ты, ещё до того, как ты заходишь. Где цена не указана на бирке, потому что она и так понятна каждому, кто переступил порог.

Беру телефон, проверяю бронь отеля. Всё готово. Теперь в аэропорт.

Останавливаюсь у двери, рука уже на выключателе. Останавливаюсь. Обвожу взглядом квартиру. В последний раз. Вот этот диван. Сколько ночей я просидела на нём, поджав ноги, тупо глядя в телевизор и пытаюсь заглушить мысли, что рвали душу на части? Сколько раз просыпалась на нём под утро, с мокрым от слёз лицом и одной мыслью: «Зачем я проснулась?»

Вот окно. Моё единственное окно в мир. У которого я стояла ночами, прижимаясь лбом к холодному стеклу, глядя на равнодушные звёзды и спрашивая их снова и снова: «Почему? Почему я здесь, а не там?» Звёзды молчали. Они всегда молчали.

Провожу пальцами по стене у косяка. Обои шершавые, дешёвые. Я всегда хотела их переклеить, но так и не собралась. Всё казалось, временно. Всё казалось, не моё. Так и оказалось. Это место никогда не было мне домом. Здесь остаётся часть меня. Та, какой я была эти месяцы:

сломленная, потерянная, умирающая внутри, но всё ещё цепляющаяся за существование по инерции. Та, что боялась надеяться, что почти сдалась. Я не возьму её с собой.

Мысль о родителях приходит неожиданно. Тёплая, щемящая, как прикосновение маминной руки.

Мама. Папа. Они даже не знают. Не знают, через что я прошла. Не знают, что их дочь побывала в другом мире, сражалась с чудовищами, любила и теряла. Для них я просто Анна, которая уехала, живёт своей жизнью, иногда звонит по праздникам. Я люблю их. И именно поэтому я иду. Если я не верну камень, если этот мир рухнет под давлением магии, они погибнут. Их дом, их город, всё превратится в пыль. Они даже не поймут, что случилось. Просто исчезнут в один миг. Я не могу этого допустить. Они должны жить. Должны видеть рассветы, пить чай на кухне по утрам, радоваться мелочам. Они заслуживают долгой, спокойной жизни. И если для этого я должна рискнуть своей, я рискну. И потому что мой дом не здесь. Мой дом в Агатгарде. Я иду туда. К ним. К себе. Но я иду и ради них, тех, кто остаётся здесь. Я несу ответственность за оба мира. И я не подведу ни тот, ни другой.

Комок подступает к горлу. Щиплет в глазах. Но слёзы не приходят, я выплакала их все за эти месяцы.

— Прощай, — шепчу я в пустоту.

Выключаю свет. Закрываю дверь. Щелчок замка отдаётся в груди глухим эхом, как последний вздох того, что было. В кармане билет. На руке браслет. В сердце огонь. Прочь из этой жизни. Из этой клетки. Из этой боли. Навстречу той, что ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.